

Елена Дубровская

Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья

До недавнего времени вне поля зрения российских исследователей оставались сложные и интересные вопросы как исторического и этнического развития Беломорской Карелии, так и повседневной жизни населения пограничных с Великим княжеством Финляндским карельских волостей Кемского уезда Архангельской губернии. В конце XIX – начале XX в. жители этих западных волостей карельского приграничья и карельское население Повенецкого уезда Олонецкой губернии традиционно сохраняли тесные экономические связи с соседними территориями и испытывали огромное влияние финской культуры.

Вступление России в Первую мировую войну в августе 1914 г. не только повлияло на активизацию памяти об имперском расширении и завоеваниях, изменилось восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада. Актуальным представляется исследование на материале Карелии феномена исторической памяти населения приграничья во время Первой мировой войны, включая переломные для истории Российского государства 1917–1918 годы – период российской революции и Гражданской войны. Территория населенных карелами уездов Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии оказалась тогда вовлечена в орбиту международной политики и прежде всего – в сферу интересов России и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки – недавних союзников по антигерманской коалиции.

В июле 1918 г. территория Российской Карелии оказалась театром военного противостояния на Европейском Севере. Страны Антанты усилили свое военное присутствие в карельском Поморье, опасаясь проникновения сюда войск Германии и ее союзника – Финляндии. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г. Поначалу англичане объясняли свое присутствие здесь необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охраны военных грузов, однако скоро стали очевидными их цели – борьба с большевизмом и укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской

железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белогвардейского правительства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии¹.

Вопрос о роли финского фактора в истории края можно исследовать на основе опубликованных источников и документальных материалов, в частности, «Рассказов о Гражданской войне», хранящихся в Архиве Карельского научного центра РАН, документов из фондов Национального архива Финляндии, Национального архива Республики Карелия, публикаций в периодике того времени. Представляется интересным проследить, как в первые десятилетия советской истории Карелии действовали механизмы сохранения, передачи, актуализации памяти населения карельско-финляндского приграничья о событиях прошлого².

Поскольку в начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии (Кемского уезда Архангельской губернии) стали англичане, под покровительством интервентов командование белых сформировало для борьбы с большевиками Российскую народную армию. Главные силы интервентов и белогвардейцев действовали в зоне Мурманской железной дороги. Станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района³. Сложилась критическая ситуация, при которой Север России оказался в руках англо-

¹ *Голдин В. И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000; *Гусев К. В.* К истории Карельского мятежа (По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71—84; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 343—440; *Мусаев В. И.* Весенне-летняя кампания 1919 г. на Северо-Западе // Интервенция на Северо-Западе России: 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 236—254; *Он же.* Олонецкая экспедиция и позиция западных держав // Там же. С. 230—235; *Осинов А. Ю.* Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Материалы 5-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 86—89; *Он же.* Финляндия и гражданская война в Карелии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; Петрозаводск: Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002; *Шумилов М. И.* Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992.

² «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX — начало XX вв.) / Сост. и вступ. ст. В. И. Мусаева // Нестор. № 10; Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 47—71; Документы периода подполья национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905—1922 гг.). Составление и вступительная статья Е. Ю. Дубровской и Н. А. Кораблева // Финно-угорские народы России... С. 17—46.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 404, Управление Кемского уездного военного коменданта, оп. 1, д. 2, л. 1—19.

французских интервентов, а в Ухтинской волости оставались так называемые «белые финны», готовившие новое вторжение в Карелию.

«Мурманский легион», с мая 1918 г. размещенный в Княжьей Губе, состоял из «красных финнов», главным образом, эмигрировавших в Советскую Россию после поражения финляндской революции¹. Он выступал против финских белых во взаимодействии с силами союзной интервенции на севере, поскольку вторжение белофинских отрядов в Карелию вызвало серьезные опасения у союзников.

Этот отряд финской Красной гвардии создавался участниками собрания, проведенного в Кандалакше 3 февраля 1918 г. по инициативе И. Ахава. На нем были представители от финских рабочих, трудившихся на постройке Мурманской железной дороги и на лесозаготовках в северной Карелии. На лесопильных заводах Поморья было занято около тысячи финских рабочих, их представители и присутствовали на собрании, как и делегаты от первых рабочих-беженцев из Финляндии.

Примечательна мотивация вынесенного на этом собрании решения о создании красногвардейского отряда, о которой свидетельствует Ээро Хаапалайнен. Собравшиеся оказались единодушны в том, что начатую в Финляндии «революцию рабочих необходимо поддержать, т. к. урочная работа в это время ничего ожидаемого не обещала», и сочли, что «образование красной гвардии будет единственной задачей, чем можно спастись от затруднительного положения»². Участники собрания выбрали ответственных за вооружение и за обеспечение продовольствием и направили через Петроград в Гельсингфорс (Хельсинки) четырех представителей. Делегированным было поручено добиться разрешения советских властей на организацию в северной Карелии ударной группы в тылу у «белых финнов».

Главный штаб руководства финляндской Красной гвардией, действовавший в Хельсинки, принял предложение рабочих Кандалакши и сразу же приступил к организации экспедиции для сопровождения оружия и продовольствия в Карелию и в Мурманск. В середине марта по ходатайству правительства «красных финнов» из Петрограда на Север был отправлен вагон с оружием. Экспедиция, направлявшаяся через Петроград и Петрозаводск, прибыла в Кандалакшу 18 марта,

¹ *Nevakivi J.* Murmannin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneitten interventio Pohjois-Venäjällä 1918–1919. Helsinki, 1970.

² *Хаапалайнен Э.* Из истории Карельского полка. Общий обзор // Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 114, л. 138–139.

доставив тысячу винтовок, миллион патронов, четыре пулемета системы «Максим» и 120 лент пулеметных патронов¹.

К этому времени в Кандалакше собралось до 900 чел. рабочих – финнов и карел, готовых вступить в ряды Красной гвардии, в основном рабочих, а также карельские крестьяне. Ииво Ахава получил назначение на должность начальника фронта как человек, имевший боевой опыт участия в сражениях Первой мировой войны. Начальником его штаба стал финн-портной Алексей Туорила².

То обстоятельство, что командование отрядом финской Красной гвардии принял на себя карел Ииво Ахава, оказалось весьма важным для успеха начинания. По меркам Беломорской Карелии этот отряд составлял серьезную силу, тем более что вскоре численность и боеспособность красногвардейцев увеличились за счет притока финских эмигрантов, которые перешли границу, спасаясь от преследований белых в Северной Финляндии.

Сын переехавшего из Ухты в Куусамо известного коммерсанта Пааво Ахава, одного из руководителей созданного в 1905 г. Союза беломорских карел, прозванного «Карельским Пааво», Ииво Ахава мог избежать призыва на военную службу. Познакомившись с социалистическими идеями в городском рабочем союзе, куда он вступил с разрешения отца, Иво скептически относился к сообщениям с фронта, появлявшимся в официальной печати. «Во время мировой войны, – вспоминает один из красногвардейцев Антти Кангасниemi, знавший И. Ахава с детства, – он читал газеты, подводил по ним итоги, иногда ругаясь, что все врут», и решил «пойти сам посмотреть», для чего вступил добровольцем в российскую армию, участвовал в сражениях³.

За личную храбрость, проявленную во время военных действий в чине унтер-офицера, 19-летний Ииво Ахава дважды был награжден Георгиевским крестом. Во время гражданской войны в Финляндии он был на стороне красногвардейцев, в 1918 г. командовал финскими красногвардейцами в Северной Карелии, затем вступил в «Мурманский легион», а в сентябре 1918 г. перешел в Карельский отряд, возглавив его вместе с другим бывшим фронтовиком Григорием Лежеевым.

А. Кангасниemi, служивший курьером в штабе «Мурманского легиона», однажды встретился с И. Ахава в д. Кананен недалеко от

¹ Хаапалайнен Э. Указ. соч. Л. 139.

² Там же.

³ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 125, л. 1–3: Кангасниemi А. Ахава Иван (Афанасьев). Воспоминания о своем земляке, участнике Первой мировой войны.

финляндской границы во время отступления отряда из Кандалакши. Начальник фронта пожаловался на то, как трудно управлять необученной частью, ведь далеко не в каждой роте было хотя бы несколько бойцов, получивших военную подготовку. Сам автор воспоминаний, прошедший военную службу, получил упрек от И. Ахава за то, что согласился на должность посыльного при штабе и не пошел на фронт¹.

Свидетельства мемуаристов, собранные в 1930-х гг. и позже, проливают свет лишь на обстоятельства тех военных столкновений, участниками которых были они сами². По словам одного из них, во время вооруженных действий осени 1918 г. шюцкоровские отряды, организованные из местных крестьян, почти все отказывались принимать участие в боях против Карельского отряда. Исключение составили лишь два человека из Вокнаволока, пятеро уроженцев Пирттигубы и нескольких ухтинцев. Несмотря на это, были расстреляны «наиболее активные» из карел, служивших в шюцкоре. Заняв д. Толлорека, бойцы Карельского отряда расстреляли четырнадцать «местных шюцкоровцев», ушедших туда из Вокнаволока на время боев. Так же поступали и в других деревнях: в Войнице были расстреляны двое крестьян исключительно за то, что они поддерживали белых финнов. Проявляя такую жестокость по отношению к «своим», бойцы отряда тем более не щадили «чужих» – интервентов. Об этом можно судить по выдержке из воспоминаний жителя д. Контокки Алексея Петрова, рассказавшего о первой встрече с противником на панозерском направлении: «С большим воодушевлением продолжали путь в Сопосалму, а часть отправилась по другой дороге в Соповаракку», где оказалось «12 человек белых. Отправив одного человека из них в Кемь, остальных прикончили»³.

Страницы воспоминаний С. И. Леттиева рисуют картину страшного озлобления той и другой противостоявшей стороны – вскоре это психологическое состояние станет определять не только взаимоотношения с «соседями» из-за кордона, но и с собственными односельчанами: «Осенью 1918 г. первые банды белофиннов отступали из карельских деревень (из г. Кеми) только по р. Кемь до д. Вокнаволока, т. к. карельские разведчики выгоняли их из всех деревень по тракту к

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 125, л. 2об.

² Подробнее см.: *Дубровская Е. Ю.* Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива Карельского научного центра РАН) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 102–106.

³ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 220, л. 12: *Петров А.* Борьба с белофиннами в северо-западных районах Карелии. Создание Карельского полка в 1918 г. Изгнание белых из дер. Юшкозера, Ухты.

Финляндии, не давая нигде остановиться на отдых. Когда финны осенью уходили из с. Ухты к д. Вокнаволок, то в отместку карелам за их „негостеприимство“ почти во всех домах, где жили финны, разбивали рамы и окна. На это и жители карельских деревень отвечали финнам тем, что в деревнях никого из финнов не пускали в свои избы глубокой осенью»¹.

Особенностью складывавшегося в эти годы образа беспощадного противника стало то, что в восприятии карел — участников Гражданской войны как с той, так и с другой стороны враждебными оказывались Финляндия и финны: либо «белогвардейцы», либо «красные финны», сражавшиеся в рядах «Мурманского легиона», а позже — в 6-м финском полку в составе частей Красной армии. О последних один из героев повествования «Водораздел» восклицает с досадой: «Ох уж эти руочи [презрительный этноним, дословно „швед“, использовавшийся карелами для обозначения финнов — *Е. Д.*]... Не удалось придти в Карелию белыми, так они пришли красными»².

За два летних месяца 1918 г. «Карельский легион», сформированный карельскими добровольцами и командованием британских интервенционистских войск, сумел разбить финских интервентов, рассредоточенных в деревнях к югу от Ухты, так что тем едва удалось выйти из окружения, оставив убитыми две трети своего состава. Пользуясь хорошим знанием местности, отряд в течение июля — октября 1918 г. вел успешные боевые действия против финнов, вытесняя их к границе³.

подавляющее большинство исследуемых архивных документов сохранило мужское видение событий Гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920 гг. в глубинке Олонецкой губернии или в северокарельской деревне. Однако в свидетельствах очевидцев происходившего в эти годы женщины не остаются лишь безликим фоном для деяний (или злодеяний) мужчин⁴.

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 142, л. 12: *Леттнев С. И.* Белокарельское правительство «Тоймикунта». Борьба «карельского добровольческого отряда» с белофиннами вместе с красногвардейцами 6-го финского полка.

² *Яккола Н. И.* Водораздел. Петрозаводск, 1985. С. 538.

³ *Голубев А. В.* «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северокарельского приграничья в годы Гражданской войны // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 37—44; *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 200—210.

⁴ См. об этом: *Дубровская Е. Ю.* На перекрестных волнах истории: повествование Н. Яккола «Водораздел» о событиях революции и Гражданской войны в Карелии // Художественная литература как историко-психологический источник. Материалы XVI Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14—15 дек. 2004 г. СПб., 2004. С. 291—296.

Рядовой боец «Карельского полка», родом из д. Суднозеро (Венехъярви) Вокнаволоцкой волости, Ф. А. Лесонен вспоминает о том, что перед рейдом из Кеми вглубь Беломорской Карелии у командования отряда «зародилась идея обучить и взять с собою женщин-карелок, которых собралось в городе около сорока человек». Такой отряд сформировали, старшими в нем были назначены батрачка из д. Ладвозера С. П. Перттунен и жена одного из младших командиров полка, уроженка д. Важонвара, Т. В. Карху. Но когда ее муж Вилле Теппи (Миттоев) приступил к обучению женщин военному делу, вмешалось английское командование, не допустившее этого. Вместо привлечения карелок к участию в боевых действиях англичане заняли их «стиркой белья, уборкой мусора и грязи в своих госпиталях и квартирах, пока те к лету 1919 г. не разбежались по домам»¹.

Тем не менее карельские женщины пососедействовали успеху рейда «Карельского легиона», занимаясь более привычным для себя трудом лодочных гребцов. Один из первых исследователей истории полка Ээро Хаапалайнен, анализируя в начале 1930-х гг. содержание незадолго перед тем увидевших свет мемуаров британского генерала Чарльза Мейнарда, особо отметил участие женщин в перевозках грузов для отряда по р. Кеми, так поразившее британцев.

Мейnard, командовавший союзными войсками на Мурмане и описавший этот период своей биографии в книге «Мурманское предприятие» (Лондон, 1928), восторженно отозвался об увиденном в Карелии: «Во время переправы через реку был один случай, подобного которому не знает история нашей войны. Карельские женщины без боязни взялись обеспечить гребцами продовольственные лодки, и этому никто не возражал. Они превосходно двигались по воде, желая помочь мужьям прогнать бандитов из Карелии. Они поодиночке или коллективно объясняли это тем, что в мирное время научились грести на лодках, чтобы переправлять мужьям продукты, когда те находились далеко от дома. Теперь их работа была особенно важна, поскольку мужья находились на фронте»².

Явление, так поразившее британского генерала, не знакомого с традиционной культурой карел, вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим для жителей Архангельской и Олонецкой губерний. Обычай, характерный, к примеру, и для русских жителей Водлозерья в Пудожском уезде, предполагал, что именно женщины и девушки

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 140, л. 20. Лесонен Ф. А.

² Цит по: Хаапалайнен Э. Указ. соч. Л. 117–118.

должны сидеть на веслах во время переправы на лодках вместе с мужчинами. Н. Яккола пишет о том, что даже беременность женщины не освобождала ее от этой обязанности, которая самими северянками воспринималась как норма: «по карельским обычаям сидеть за веслами следовало женщине». Одна из героинь «Водораздела» отказывается от помощи мужа, решившего было сесть рядом с женой, чтобы помочь ей грести: она «не могла нарушить этот обычай, тем более в присутствии чужих мужиков»¹.

Мейнард рассказал еще об одном событии, связанном с поведением карелок в боевой обстановке, когда «двое женщин, составлявшие группу гребцов, пошли грести впереди своей эскадры». Э. Хаапалайнен включил в свое исследование перевод из воспоминаний «Мурманское предприятие», которое в русскоязычном изложении выглядит следующим образом: «Три белобандита внезапно хотели арестовать их, и тут возник морской бой. Белобандиты были вооружены, и они начали стрелять, но были плохими стрелками. Эти карельские женщины никогда не слыхали о Нельсоне, но в действительности они делали так, как сделал бы он. Вдруг повернули лодку и крепко стали грести, ударяя на середину лодки противника. Белофинны были поражены этим внезапным и неожиданным наступлением женщин, и все усилия им нужно было сосредоточить на том, чтобы не опрокинуться из лодки. Женщины использовали их растерянность и начали лупить их веслами. Все трое были выведены из строя, а двое из них прыгнули через край лодки и утонули»².

Командующий войсками союзников отметил своего рода «тактическую находку», продемонстрированную участницами этого «морского боя»: «по-видимому, нет заранее выработанных правил без исключения, и такой интересный факт не мог не заслужить награды». Узнав об этом событии, Мейнард наградил обеих женщин медалями. Впоследствии он писал: «Мне кажется, что в этот день в Северном Беломорье не было таких гордых женщин, как они, награжденные крестами»³.

Однако воспоминания, оставленные непосредственными очевидцами другого женского «подвига», проливают больше света как на обстоятельства события, попавшего на страницы мемуаров британского генерала, так и на мотивы героического поведения карельских женщин, весьма далекие от ориентиров на боевой опыт легендарного английского флотоводца.

¹ Яккола Н. И. Указ. соч. С. 390.

² Цит по: Хаапалайнен Э. Указ. соч. Л. 118.

³ Там же.

Боец «Карельского полка» уроженец д. Ладвозеро Вокнаволоцкой волости Р. В. Лесонен вспоминал в 1959 г. о том, что он участвовал в разведке, проводившейся по обоим берегам р. Кеми. Заметив две лодки в местечке Спирейкенгя, разведчики предупредили командование отряда и устроили засаду. В первой из лодок находились трое белофиннов и учительница из Вокнаволока с двумя маленькими сыновьями. В другой лодке сидели три белофинна и сестра учительницы. Как выяснилось позже, финские интервенты, останавливаясь в пути, изнасиловали сестру учительницы и заставили ее грести всю дорогу. Разведчикам «удалось сразу же перебить белофиннов во второй лодке», но в первой были дети, и они не решились стрелять. Двое финнов бросились из нее в воду и попытались овладеть лодкой разведчиков, в которой гребцами были крестьянки из д. Панозеро Ульяна Попова и Акулина Никулина. (Автор, правда, упоминает двух Поповых — Ульяну Филипповну и Ульяну Ивановну.) По свидетельству Р. В. Лесонена, «женщины не пустили белофиннов в лодку, а веслами били их по голове. Один пошел ко дну, а другого настигла наша пуля. Третьему удалось доплыть до берега и бежать, но наши разведчики схватили и его»¹.

Безусловно, женщины — участницы описанных событий — имели своё видение мира, свою систему ценностей, отличную от мужской². Их отвага была вызвана стремлением спасти незащищенных детей и женщин, оказавшихся заложниками в вооруженных столкновениях взрослых мужчин. Это особенно чувствуется при сопоставлении приведенного рассказа с упоминанием о том же происшествии, сделанным другим бойцом «Карельского отряда» И. Ф. Лежоевым.

В воспоминаниях, записанных в 1959 г., Лежоев свидетельствовал о первой встрече отряда с противником, «который двигался на 4–5 лодках», недалеко от д. Панозеро: «Помню, что в одной лодке ехали с продовольствием крестьянки Никулина Акулина и Попова Ульяна. Когда началась перестрелка, то в их лодке двое из белофиннов пытались найти убежище. Но сильные и молодые крестьянки прикончили гадов своими веслами»³.

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 141, л. 2–3, 14–15: *Лесонен Р. В.* Выступление «Карельского добровольческого отряда» против белофиннов в Калевальском районе в 1918–1919 гг.

² Подробнее о проблеме исследования истории повседневности с точки зрения гендерного анализа см.: *Пушкарева Н. Л.* Гендерная методология в истории // *Гендерный калейдоскоп.* М., 2001. С. 52–76.

³ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 139, л. 99: Воспоминания И. Ф. Лежоева.

Событие, которое в первом из рассказов предстает во всем драматизме и заставляет задуматься над моральной ценой, в какую обошлась женщинам одержанная победа над конкретным врагом – убийцей и насильником, во втором фрагменте воспоминаний становится чуть ли не обычным происшествием военной повседневности.

Источниковедческий анализ воспоминаний бойцов «Карельского легиона» открывает перспективы дальнейшего исследования проблемы трансформации исторической памяти населения карельского приграничья – современников и участников общественно-политических перемен в Карелии в начале XX в., прежде всего – очевидцев событий периода иностранной интервенции и Гражданской войны на Севере России. Благодаря их свидетельствам можно проследить, насколько глубоким ко времени окончания Первой мировой войны оказался раскол в традиционном карельском обществе, какие из черт прежнего патриархального уклада оставались неизменными, а какие стороны повседневной жизни карел подверглись трансформации, в том числе и под влиянием иноэтничного финского окружения.